

М.М. Чорэф

МОНЕТНОЕ ДЕЛО ХЕРСОНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VIII В.

Ценность бронз литья и чекана Херсона как исторических источников на данный момент общепризнанна. Ведь во многом благодаря использованию результатов нумизматических исследований наши представления о жизни этого города были неоднократно и кардинально скорректированы. Однако многие периоды истории монетного дела Херсона так и остались «белыми пятнами». К примеру, и сейчас специалисты в этой области нумизматики не могут прийти к единому мнению по вопросу о возможности датирования тех или иных серий его бронз VIII – первой трети IX вв. Часть их, вслед за В.А. Анохиным, считает, что в это время в городе своих денег или не изготавливали вовсе [1], а остальные, разделяя точку зрения И.В. Соколовой, убеждены, что в Херсоне тогда эмитировали анонимные выпуски, предназначенные только для наполнения местного обращения [2]. Однако обилие находок бронз этого города, обращавшихся вместе с общеимперскими византийскими монетами на территории Восточной Европы [3], не дает оснований считать их какими-то местными деньгами [4].

По-видимому, проблема состоит в том, что нумизматы за более чем двухсотлетний период исследования так и не смогли выработать общепринятые методы атрибуции большинства разновидностей бронз Херсона. К примеру, до сих пор идут горячие споры по поводу датировки монет серии «VICTOR» [5], дискутируется вопрос о причинах и последствиях массовой надчеканки при Иракии (610–641) [6] и о составе денежного обращения в VI–VIII вв. Еще слабее изучена история позднейшего периода монетного дела Херсона – XI–XIII вв. Нам только и остается констатировать факт отсутствия обоснованного прочтения монограммы «Pω» на аверсах самых распространенных бронз этого города [7].

Единственной причиной столь запущенного положения в этой отрасли нумизматики стала бесконечная и бесперспективная схоластическая дискуссия по вопросу датировки ряда серий литья и чекана Херсона, развернувшаяся более тридцати лет назад между сторонниками В.А. Анохина и И.В. Соколовой. Их беспредметные споры, в которых обе стороны в качестве аргументов продолжают использовать предположения,

выдвинутые и частично отвергнутые еще в XIX в. [8], не только не дают возможности учитывать при датировке многие серии монет Херсона, но и создают препоны для дальнейших исследований.

Отметим, что эта проблема актуальна не только для нумизматов. Ведь в настоящее время считается наиболее удобным и надежным датировать объекты именно по монетам. А раз в нумизматической среде нет единой точки зрения по вопросу атрибуции большинства разновидностей бронз Херсона, то нет и оснований использовать их в качестве ординарного археологического материала. Однако нам известно, что этот город в VIII–IX вв. оставался одним из важнейших административных и экономических центров Византии. В него ссылали попавших в опалу знатных лиц, в том числе приближенных к трону или даже родственников василевсов [9]. В то же время доминирование теории о временном прекращении городской эмиссии в VIII в. позволила ряду исследователей выдвинуть предположение об упадке полиса и даже о временном разрыве его связей с метрополией [10].

Как видим, слабая изученность монетного материала пока не дает нам возможности должным образом осветить важнейшие, переломные моменты истории этого города. В последнее время мы попытались исправить это положение: вынесли на научное обсуждение предположения по атрибуции монет серии «VICTOR» [11], попытались обосновать нашу точку зрения о номиналах херсонских бронз VI–IX вв. [12], выдвинули гипотезу о правилах прочтения строчных монограмм на примере LA и LE [13]. Продолжая начатое ранее исследование, попытаемся выделить и атрибутировать городские эмиссии, обоснованно датированные первой половиной VIII в.

В настоящий момент попробуем исследовать группу редких монет Херсона, относимых большинством современных исследователей ко второй половине VII – первой половине IX веков. В процессе изучения попытаемся проанализировать выводы нумизматов-византинистов.

Как известно, на аверсах монет Византийской империи чаще всего размещали изображения правителей, обрамленные легендами, содержащими их имена и титулы.

В редких случаях, из-за недостатка места, вместо стандартного развернутого текста оттискивали только монограммы. На реверсах размещали обозначения номиналов, изображения соправителей, святых, а также имена и титулы василевсов или религиозные символы [14]. Как уже было отмечено ранее, используемая в Херсоне технология денежного производства – литье, не позволяла изготавливать высокохудожественно оформленные монеты [15]. Как правило, на его бронзах размещали только самые простые, но предельно необходимые обозначения. Среди них выделяют монограммы правителей, метки эмиссионного центра или религиозные символы.

Ранее мы уже попытались ввести в научный оборот наши предположения о закономерности появления разных аббревиатур и религиозных символов на монетах Херсона [16]. В результате разбора этих элементов оформления нам удалось определить номиналы городских бронз [17]. Если наши выводы верны, то в Херсоне в VIII–X вв. выпускали гемифоллисы и фоллисы. К первым можно отнести бронзы с «Π», «ΠΛ», «ΠC», «C» или с восьмиконечным крестом [18], а ко вторым – с крестом на Голгофе на оборотной стороне. В этом случае, буквы на лицевых сторонах монет должны являться монограммами правителей. К настоящему времени выявлены сочетания этих аббревиатур. Так, на лицевых сторонах гемифоллисов оттискивали «A», «Λ», «N», «DNTH», «P», «M», «MB» или «B+». И, если монеты с последними тремя монограммами принято датировать 842–886 гг. и относить к литью Михаила III (842–867) и Василия I (867–886) [19], то вопрос атрибуции бронз с первыми четырьмя аббревиатурами все еще открыт.

Действительно, датирование изготовленных в примитивной технологии гемифоллисов с «Π» на аверсе и реверсе и сейчас вызывает определенные сложности. Однако выработку прочтения аббревиатур «A», «Λ», «N» и «DNTH» мы считаем вполне достижимой.

Попытаемся датировать монеты с этими монограммами. Начнем с анализа технологии их производства. Так как все эти бронзы представляют собой, как правило, мастерски отлитые тонкие кружки с рельефными надписями на обеих сторонах, то изготавливали их квалифицированные литейщики, хорошо изучившие методику денежного литья. Заметно, что в процессе поиска наиболее техничного оформления неоднократно менялись и принципы разработки монограмм. Дело в том, что для придания монетному кружку наибольшей прочности нужно было как можно полнее заполнить ее лицевую и

оборотную сторону. Однако сама технология денежного производства – литье не позволяла размещать на монетах сложные, многобуквенные монограммы. Но, в любом случае, заметно, как от простых «A» на аверсе и креста на реверсе перешли к сложным «DNTH» и «ΠΛ», а, позже, к оптимальным крупным «Λ» или «N» на лицевой и «ΠC» на оборотной сторонах. Отметим, что наши предшественники пришли к аналогичным выводам. Так, В.А. Анохин, заметив, что монеты с «A», «Λ» и «DNTH» очень близки по исполнению, заключил, что их выпускали в один период времени [20].

Перейдем к расшифровке этих аббревиатур. Так как наши предшественники совершенно запутали вопрос, то начнем изучение монет сначала, т.е. с выделения отдельных эмиссий. Как мы уже отметили, на бронзах с «A» на лицевой стороне на реверсе всегда оттискивали восьмиконечный крест (Рис. 1,3), на монетах с «DNTH» – монограмму «ΠΛ» (Рис. 1,4), на деньгах с «Λ» и с «N» – буквосочетание «ΠX» (Рис. 1,5,6). Считаем, что это явление не случайно, и с учетом вариаций в оформлении лицевых сторон, получаем, что заинтересовавшая нас группа монет может быть разделена на три описанные выше эмиссии. Попытаемся их датировать. Для этого попробуем прочесть единственную многобуквенную монограмму – «DNTH», размещенную на аверсе одной из разновидностей монет этой группы. Совершенно очевидно, что первые две буквы следует расшифровывать как «Dominus Noster» – «Господин Наш». Известно, что последние монеты с латинскими легендами и таким титулованием правителя были выпущены при Константине V (741–775) [21]. Соответственно, аббревиатуру «DNTH», с нашей точки зрения, следует расшифровывать как: Dominus Noster Θεοδοσιος – «Господин Наш Феодосий», а бронзы этой группы датировать правлением Феодосия III Адрамития (715–717). Считаем, что наше прочтение грамматически вернее приведенного В.А. Анохиным, предположившего, что на бронзах Херсона имя Феофила (829–842) могло писаться не с «Θ», а с «Th». Однако ни на одной монете этого императора такого латинизированного написания имени до сих пор не выявлено. Мало того, оно неизвестно и в эпиграфике [22]. А вот «Theodosios» тогда писали только через «Th» [23].

В первой половине VIII в. боролась за власть и единственная пара императоров, имена которых начинались с «A» и «N» – Артавасд и Никифор (742–743). В таком случае, монеты с «A» на аверсе и с восьмиконечным крестом на реверсе могли

быть выпущены при монархе, правившем в этот же период. Считаем, что их изготавливали при Анастасии II Артемии (713–715).

Отметим, что мы не первыми обратили внимание на эти монеты. Так, большое внимание их изучению уделили В.А. Анохин и И.В. Соколова. О внимательности и педантичности этих исследователей лучше всего говорит эволюция их представлений о датировке монет с монограммой «DNTH». Как известно, В.А. Анохин уже в 1968 г. заключил, что ее надо читать, как: D[ominus] N[oster] Theophilus [24]. Первоначально И.В. Соколова считала, что предложенная В.А. Анохиным расшифровка «привлекает, но остается пока гипотетической» [25]. Исследователь не смогла согласиться с постулатом о возможности появления на херсонских монетах латинских надписей. Позже, в своей итоговой работе, И.В. Соколова отошла от своей первоначальной точки зрения, заключив, что «над буквами TH есть только одна литера N» [26]. По ее мнению, бронзы с этой монограммой выпускались незадолго до начала эмиссии монет с аббревиатурой «MB» [27]. Мы, в свою очередь, вынуждены заметить, что крупная точка, напоминающая очертаниями «δ», стандартно размещаемую в начале легенды аверсов ранневизантийских монет, явственно просматривается на лицевых сторонах этих херсонских бронз. В этом смысле В.А. Анохин прав. Однако само его утверждение о возможности выпуска в Херсоне монет IX в. с латинскими надписями, содержащими титул «Dominus Noster» нам кажется все же неверным.

Не меньше споров вызвала и атрибуция бронз Херсона с «A», «Λ» и «N» на аверсах. Так, если Б.В. Кене, А.В. Орешников и И.В. Соколова датировали монеты с первыми двумя монограммами правлением Александра (912–913) [28], то В.А. Анохин отнес их к эмиссиям неких анонимных городских архонтов [29]. Причем исследователи смогли совершенно логично опровергнуть утверждения друг друга. Действительно, провинциальные чиновники в Византии монет от своего имени не выпускали, а если при Александре не чеканили меди в столице, то не могли лить ее и в провинции.

С нашей точки зрения все эти гипотезы ошибочны. Так, если первая группа исследователей обращала внимание только на легенды аверсов, то И.В. Соколова, развивая общую идею расшифровки, пришла к выводу о том, что наличие на реверсах этих бронз монограммы «NC» «...позволяет допустить попытки восстановить полисные свободы в Херсоне и после создания фемы. Нам до сих пор неизвестны медные монеты императора Александра, чеканенные на монетном дворе

Константинополя. Херсонский выпуск подчеркивает известную автономию чекана этого города от «установок» центрального правительства. Может быть, эта независимость была связана с возродившимися ненадолго полисными привилегиями, символ которых появился на монетах Александра в виде девиза $\rho\beta\lambda\iota\text{-Cers}^{\wedge}\text{no}$ – «полис Херсон» [30]. Жаль, правда, что до сих пор не найдено ни одного письменного тому свидетельства, а вопрос о причинах городских восстаний в X–XI вв. все еще не изучен в полной мере. По ходу добавим, что монеты с монограммами «A», «Λ» и «N» на аверсах являлись гемифоллисами, эмиссия которых в Херсоне прекратилась в начале правления Василия I (867–886).

Итак, если наши предположения верны, то, с учетом ранее датированных нами анонимной серии и эмиссии от имени Вардана Филиппика (711–713) (Рис. 1,1,2) [31], в Херсоне в первой половине VIII в. лили бронзу от имени пяти византийских василевсов, что свидетельствует как о стабильно высоком спросе на платежные средства, характерном для развивающихся экономик, так и о безусловной подчиненности города империи в тот период.

Разработанная атрибуция монет позволяет сделать не только нумизматические, но и общеисторические выводы. Ведь, как мы установили, в Херсоне в первой половине VIII в. лили монету от имени пяти императоров. Четверо из них: Анастасий II Артемий, Феодосий III Адрамитий, а так же Артавасд и Никифор были иконопочитателями. Однако к настоящему времени так и не выявлены городские бронзы, однозначно относимые к периоду правления императоров-иконоборцев из дома Льва III Исавра (717–741). Мы не считаем это явление случайным. Ведь если наличие херсонских монет эфемерных Анастасия II Артемия, Феодосия III Адрамития еще можно объяснить только экономическими причинами, то выпуск бронз в честь Артавасда и Никифора может быть понят только как политическая акция. Ведь известно, что последние продержались у власти всего шестнадцать месяцев и то только благодаря поддержке иконопочитателей Константинополя и фемы Опсикий [32]. А если учесть то, к тому времени денежное производство концентрируется в столице империи, то, расшифровав аббревиатуры, мы можем не только обоснованно опровергнуть противоречащие письменным источникам суждения об упадке Херсона в VIII в. [33], но и наметить новый подход к освещению истории Крыма в VIII–IX вв.

Считаем, что этот город и в VIII в. являлся одним из важнейших административных и

экономических центров империи. Причем необходимость сохранения лояльности местных жителей побуждала василевсов не спрашивать с них слишком строго даже за значительные отклонения от предписанных религиозных правил. А херсониты, в свою очередь, оставались верноподданными иконопочитателями, ни разу за весь период иконоборчества не выступив против Константинополя.

В то же время очевидное отсутствие именных городских бронз, выпущенных в честь императоров-иконоборцев позволяет нам предполагать, что монетная эмиссия от их имени в Херсоне не осуществлялась по каким-то политическим соображениям [34]. Возможно, в тот период лили и чеканили анонимную бронзу с «П» на аверсе и с «Х» или «Р» на реверсе. Однако это предположение требует внимательной и взвешенной проверки, которой мы и планируем заняться в ближайшее время.

Примечания

1. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977, С. 103.
2. *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 35–39. Табл. VI, №4–14.
3. *Плетнева С.А.* Древнерусский город в кочевой степи // МАИЭТ. Симферополь, 2006. Supplementum. Вып. 1. С. 148–150; *Столярик Е.С.* Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднеримское и в византийское время (конец III – начало XIII в.). Киев, 1992. С. 61.
4. Мы уже попытались обосновать нашу точку зрения по этому вопросу (См.: *Чореф М.М.* К вопросу о номиналах литых бронз раннесредневекового Херсона // МАИАСК. Симферополь, 2008. Вып. I. С. 117–130; Монетное дело Херсона при Льве VI Мудром (в печати)). Чтобы не повторяться, заметим только, что в Херсоне в VIII–X вв. выпускали бронзовую монету стандартных достоинств с ординарными для империи обозначениями номиналов.
5. До сих пор в среде нумизматов идет оживленная дискуссия по вопросу атрибуции этих монет. Если представители школы В.А. Анохина датируют их правлением Юстиниана I Великого (527–565) (См.: *Анохин В.А.* Указ. соч. С. 98–99, 101, 103, 107. Таб. XXII, 310–314), то сторонники И.В. Соколовой относят их к выпускам Юстина I Старшего (518–527) (См.: *Соколова И.В.* Указ. соч. С. 18–21).
6. Этот вопрос уже рассмотрен нами в (См.: *Чореф М.М.* К вопросу о номиналах литых бронз раннесредневекового Херсона. С. 120).
7. До сих пор в среде нумизматов нет единого мнения по вопросу их атрибуции. Если часть исследователей, вслед за В.А. Анохиным,

относят их к литью Романа III Аргира (1028–1034) и Романа IV Диогена (1068–1072), соглашаясь с его датировкой этих эмиссий соответственно XI – нач. XII вв. (См.: *Анохин В.А.* Указ. соч. С. 123–124), то сторонники И.В. Соколовой приписывают их к выпускам Херсона XII–XIII вв. (См.: *Соколова И.В.* Указ. соч. С. 62–63, 143–144). Считаем первую из гипотез безосновательной и нелогичной. Дело в том, что ни Роман III Аргир, ни Роман IV Диоген не пользовались популярностью, они были насильственно отстранены от власти. Да и не было в византийской монетной практике прецедентов посмертных эмиссий. Кстати, если при последнем из упомянутых василевсов именную медь уже чеканили, то при первом выпускали только т.н. «анонимные фоллисы». Кроме того, известно, что в Херсон был сослан самозванец Лев (Константин), выдававший себя за сына Романа IV Диогена (См.: *Анна Комнина.* Алексиада. М., 1965. С. 266). По ходу заметим, что сама идея прочитать на общепризнанно анонимной монете имя правителя нам кажется крайне занимательной. Наш разбор этой теории В.А. Анохина приведен в (См.: *Чореф М.М.* Новый тип монетного литья Херсона // VII Таврические научные чтения. Симферополь, 2007. С. 137–144). К сожалению, И.В. Соколова, справедливо опровергая гипотетические предположения своего оппонента, только констатировала факт позднего поступления монет с «Рω» в обращение Херсона, не пытаясь расшифровать монограмму. В последние годы богатый нумизматический материал привлек внимание нового поколения исследователей. Самое оригинальное суждение по этому вопросу высказал известный севастопольский нумизмат-сфрагист, сотрудник НЗХТ Н.А. Алексеенко. Этот исследователь, изучив большой комплекс, состоявший из поздних херсонских бронз и сельджукских медных дирхемов, заключил, что позднейшие городские эмиссии являлись подражаниями привозным восточным монетам (См.: *Алексеенко Н.А.* К вопросу о деятельности Херсонесского монетного двора в XIII столетии // ХС. Севастополь, 1996. Вып. VII. С. 187–191.). Мы уже попытались обоснованно опровергнуть эту гипотезу (См.: *Чореф М.М.* К вопросу о номиналах ... С. Прим. 3). Странно, но годом позже Н.А. Алексеенко поддержал точку зрения В.А. Анохина, заключив, что монеты с «Рω» лили в XI веке причем от имени Романа III Аргира и Романа IV Диогена (См.: *Алексеенко Н.А.* Клад монет XI–XII вв. из Херсонесской цитадели // Античный мир и Византия. К 70-летию профессора В.И. Кадеева. Харьков, 1997. С. 260–271). Наши предположения по атрибуции монет с «Рω» на аверсе приведены в статье (См.: *Чореф М.М.* Позднейшие эмиссии Херсона, или к атрибуции монет с монограммой

- «RW» // Вестник ТГУ. Тюмень, 2009. Вып. 7. С. 35–51). Если мы правы, то бронзы с этой лигатурой лили с конца XI по XIV вв. (См.: Там же. С. 45–47).
8. Еще Г.К.Э. Кёллер пришел к выводу, что на монетах Херсона могут быть упоминания протевонов. Вот как возразил ему Б.В. Кёне: «После Романа II буквы стали заменять монограммами, и Кёллер сделал большую ошибку, приняв последние за названия Константинополя и протевонов; напротив, тогда бы сочли преступлением и изменою, если бы чиновник выставил бы свое имя на монете, выбитой по приказанию его государя» (См.: Кёне Б. Херронес (Севастополь) Окончание // ЖМНП. СПб., 1855. Третье десятилетие. Ч. LXXXVIII. Декабрь. С. 197).
  9. В Херсон в VII–VIII вв. были сосланы опальные священнослужители: папа св. Мартин I (649–653) (См.: Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Пер. с греч. В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского, пред. О.М. Бодянского. М., 1884. С. 245, 258; *Theophanes. Chronographia* // CSNB. Bonnæ, 1839. P. 509, 537), св. Стефан Новый – епископ Хазарии (См.: *Иванов Е.Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк* // ИТУАК. Симферополь, 1912. № 46. С. 84–85), сторонники св. Феодора Студита (См.: Творения Феодора Студита. СПб., 1908. С. 296, 454), св. Иосиф Гимнограф (См.: Житие Иосифа Гимнографа // Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, 1901. С. 10–11), аристократы: будущий император Вардан Филиппик (711–713) (См.: Летопись византийца Феофана... С. 277–278; *Theophanes. Chronographia*. P. 579), кесари Никифор и Христофор – братья василевса Льва IV Хазарина (775–780) с приближенными (См.: Летопись византийца Феофана... С. 330; Успенский Ф.И. История Византийской империи. Л., 1927. Т. II. Перв. пол. С. 143; *Theophanes. Chronographia*. P. 697), а также низложенный Юстиниан II (685–695, 705–711) (См.: Летопись византийца Феофана... С. 271; *Theophanes. Chronographia*. P. 566).
  10. К примеру, А.Л. Якобсон считал, что экономический застой и хозяйственный упадок города свидетельствовал и о временном прекращении торговых связей с Византией (См.: *Якобсон А.Л. Крым в средние века*. М., 1973. С. 30). Для обоснования этих утверждений исследователь попытался истолковать и наличие в Херсоне самоуправления.
  11. Мы уже провели небольшое нумизматическое исследование с целью атрибуции бронз Херсона первой половины VI в. Считаем, что как декануммии серии «VICTOR», так и пентануммии с монограммой « $\rho\lambda\iota\varsigma$ $\chi\epsilon\rho\sigma^{\wedge}\nu\omicron\varsigma$ » были выпущены при Юстиниане I Великом (См.: Чореф М.М. К истории монетного дела Херсона в первой половине VI в. // История идей и история общества: Материалы VI Всероссийской научной конференции (Нижевартовск, 17–18 апреля 2008 года). Нижевартовск, 2008. С. 246–249.
  12. Чореф М.М. К вопросу о номиналах ... С. 117–120.
  13. Чореф М.М. Монетное дело Херсона при Льве VI Мудром.
  14. Чореф М.М. К вопросу о номиналах... С. 117–130
  15. Впервые изображения людей появились на литых гемифоллисах в начале VIII в. (См.: Там же). В период самодержавного правления Льва VI (886–912) на аверсах городских монет оттискивали его поясной портрет (См.: Чореф М.М. Монетное дело Херсона при Льве VI Мудром). Последние серии с изображениями правителей появились при Константине VII Багрянородном (913–959) (См.: *Анохин В.А. Указ. соч.* С. 117–118; *Соколова И.В. Указ. соч.* 44–51; Чореф М.М. К истории монетного дела Херсона при Константине VII Багрянородном // История идей и история общества: Материалы VII Всероссийской научной конференции (Нижевартовск, 9–10 апреля 2009 года). – Нижевартовск, 2009. С. 191–194).
  16. Чореф М.М. К вопросу о номиналах ... С. 117–130.
  17. Там же.
  18. Там же.
  19. *Анохин В.А. Указ. соч.* С. 114; *Соколова И.В. Указ. соч.* С. 34–35. Считаем, что херсонские монеты с монограммой «MB» были выпущены при Михаиле III (См.: Чореф М.М. К вопросу об атрибуции монограмм на гемифоллисах Херсона первой половины IX в // История идей и история общества: Материалы VIII Всероссийской научной конференции (Нижевартовск, 15–16 апреля 2010 года). – Нижевартовск, 2009. С. 297–302).
  20. Мы разделяем точку зрения В.А. Анохина, установившего, что монеты этой группы были изготовлены на протяжении примерно 50 лет. Правда, исследователь датировал их IX в. (См. *Анохин В.А. Указ. соч.* С. 113–115).
  21. *Wroth W.W. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. London, 1908. P. 378–390. Pl. XLIII–XLV.*
  22. Нам не известно ни единой византийской надписи, в которой имя Феофила писалось бы через «Th». Этот совершенно бесспорный с нашей точки зрения факт был очевиден еще в конце XVIII в. (См.: *Lexicon universale rei numariae veterum et praecipue graecorum ac romanorum cum observationibus antiquariis geographicis chrinologicis historicis criticis et passim cum explicatione monogrammatum* / Edidit Io. Cristophorus Rasche, praefatus est Christ. Gottl. Heyne. Lipsae, 1791. T. 2. P. 1. Col. 1070–1077).

23. Op. cit. Col. 1059–1067; Wroth W. Op. cit. P. 363–364. Tab. I. XLII, 1–5.
24. Анохин В.А. Указ. соч. С. 113.
25. Соколова И.В. Клад херсонесских монет середины IX в. // ТГЭ. Л., 1971. Т. XII. С. 22.
26. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. С. 39.
27. Там же.
28. Кёне Б. Херронес (Севастополь). Окончание. С. 198. Прим. 2; Орешников А.В. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1892. С. 28, Табл. II, №22; Орешников А. Херсоно-византийские монеты // ТМНО. М., 1905. Т. III. С. 10, №31, Табл. II; Орешников А. Херсоно-византийские монеты // НС. М., 1911. Т. I. С. 110, №13, Табл. В; Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 43). Мы уже изложили нашу точку зрения по этому вопросу (См.: Чореф М.М. Монетное дело Херсона первой половины VIII в. // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2008 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов–2008». Севастополь, 2008. С. 138–140; Монетное дело Херсона в первой половине VIII в. // Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской сессии византинистов. М., 2008. С. 161–165). Считаю, что раз при Александре не чеканили меди в столице, то и в провинциях ее не выпускали. Да и выводы о «восстановлении полисных свобод Херсона» (См.: Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. С. 43) только на основании спорной трактовки нумизматического материала нам кажется очень смелыми и явно необоснованными.
29. Анохин В.А. Указ. соч. С. 115, 125.
30. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. С. 43.
31. Чореф М.М. К вопросу о номиналах... С. 120.
32. М.Я. Сюзюмов. Первый период иконоборчества / в кн. История Византии. М. 1967. Т. 2. С. 56.
33. К настоящему времени сосуществуют две точки зрения по этому вопросу. Первая из них была высказана В.Г. Василевским и Ю.А. Кулаковским предположившими, что массовое возведение церквей в Херсоне в VIII в. было вызвано переселением в него иконопочитателей (См.: Васильевский В.Г. Труды. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 1. С. 296–427; Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. К., 1914. С. 75). Ученые, проанализировав жития свв. Стефана Нового и Иоанна Готского, пришли к выводу, что город, хоть и не процветал, оставался все же важнейшим торговым городом Таврики, ее культурным и религиозным центром. По их мнению, этим периодом и стоит датировать как возведение большинства церквей Херсона, так и основание «пещерных» монастырей юго-западного Крыма.

Как видим, слабым местом этой теории является учет только письменных источников и полное игнорирование результатов археологических исследований. Их оппоненты, вслед за А.Л. Якобсоном, считают, что Херсон в VIII в. находился в упадке и «обезлюдел» (См.: Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63. С. 35; Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.–Л. 1964. С. 27; Крым в средние века. М., 1973. С. 29). Отметим, что их аргументация довольно хорошо продумана и основана на логичном анализе всех доступных к середине XX в. материалов. Действительно, упоминаний Херсона в хрониках того времени мало, монет его эмиссии к середине XX в. выявлено не было, что, в свою очередь, не дало возможности выделить на городище слои VIII в. К качестве дополнительного довода приводилось свидетельство св. папы Мартина I, жаловавшегося на «голод и нужду», царившую в Херсоне (См.: Martini, papa. Epistola XVI, XVII // PL. Paris, 1863. Т. 87. Col. 201D–202D, Col. 203B–204C). Мы считаем обе точки зрения достаточно логичными и обоснованными, и, как ни странно, непротиворечивыми. Действительно, Херсон, как и вся империя, находился в VI–VIII вв. в упадке. Однако уровень его деградации был не ниже, чем у большинства крупнейших провинциальных городов Византии того времени (См.: М.Я. Сюзюмов. Социально-экономические отношения и государственный строй в Византии в конце VII – середине IX в. Город / в кн. История Византии. М., 1967. С. 23–33; Dragon G. The Urban Economy, Seventh–Twelfth Centuries // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century. Washington. 2002. P. 397–401). В тоже время дошедшие до нас упоминания Херсона в хрониках и печати чиновников, наличие в нем резиденции архиепископа свидетельствуют о значимости этого полиса для Византии в VII–X вв. (Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 66–171. Схемы III–VIII; Талис Д.Л. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // ВВ. М., 1961. Т. 18. С. 54–73). С нашей точки зрения, у нас нет никаких оснований говорить о «смерти» ранневизантийского города в VII–VIII вв. Ведь на базе этих обедневших полисов вскоре, в IX–X вв. возродились крупные административно-религиозные и торговые центры. Отметим, что и Е.Э. Липшиц не выявила никаких признаков «перерыва или изменений в сущности» византийского города в тот период (См.: Липшиц Е.Э. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII – первая половина IX века. М.–Л., 1961. С. 16, 87–117). Остальные аргументы сторонников теорий

упадка и процветания Херсона в VIII–XIV в. мы проанализируем позже.

³⁴ Мы вынуждены заметить, что нет ни малейших оснований увязывать правила денежного производства в Риме с реалиями монетного дела Византии. Дело в том, что, если автономные полисы античности могли получить право на эмиссию местных средств платежа, то в централизованной Романии как медь, так и, тем более, золото и серебро, чеканили только в государственных мастерских. Естественно, что Херсон не мог получить право на собственную эмиссию. Конечно, в регионах Византии выпускали оригинально оформленные монеты. Но, тем не менее, они обращались в качестве законных средств обращения во всей империи. Мы вынуждены акцентировать внимание читателя на этом факте, так как не видим другой возможности опровергнуть нелепые суждения многочисленных «автономистов», огульно трактующих нумизматический материал для обоснования своих надуманных теорий о «традиционном стремлении Херсона к определенной самостоятельности в управлении городским хозяйством» (См.: *Алексеев Н.А.* Административно-политический очерк истории византийского Херсона IX–X вв. – в кн. *Херсонесский сборник. Supplement I. Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.).* С. 20). Но оставим в стороне исторические выкладки этого исследователя. Очевидно, что они не заслуживают и критики. Обратим внимание на результаты его нумизматических исследований. С удивлением мы обнаружили,

что этот известнейший сфрагист, обязанный в соответствии с родом научной деятельности как минимум читать простейшие греческие тексты, считает, что монетное литье в Херсоне возобновилось «в ходе финансовой реформы Феофила (829–842), когда город вновь получил право на выпуск собственной монеты». Как видим, этот маститый исследователь не только не разобрал несложную четырехбуквенную аббревиатуру, но до неузнаваемости исказил гипотезы В.А. Анохина и И.В. Соколовой. Так, к примеру, совершенно непонятно, о какой «финансовой реформе» идет речь. Надеемся, Н.А. Алексеев сможет в ближайшем будущем объяснить и обосновать этот тезис. Хотя далее, в том же очерке, по свойственному ему обычаю, он отказался от своих запелляционно смелых и необоснованных предположений. Ученый пришел к выводу, что Херсон был обычным провинциальным византийским городом, администрация которого была подконтрольна государственной власти (См.: Там же. С. 21). Детальный разбор очерков из этого приложения к «Херсонесскому сборнику» приведен в статьях А.В. Сазонова и С.Б. Сорочана (См.: *Сазонов А.В.* К интерпретации комплекса водосборной цистерны жилого дома в VII квартале Херсона // *БИАС. Симферополь, 2008. Вып. 3. С. 368–383; Сорочан С.Б.* Ответ критикам, или где кончается наука // URL: <http://www.formuseum.info/2007/06/14/sorochan1.html> (дата обращения: 28.02.2010); *Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.)* // *Археология. Київ. 2008. № 1. С. 103–108.*

Рис. 1. Монеты Херсона первой половины VIII в.

1–анонимный выпуск начала VIII в., 2–Вардан Филиппик, 3–Анастасий II Артемий, 4–Феодосий III Адрамитий, 5–Артавазд, 6–Никифор.